

Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России

Устойчивость созданного в 2000-е годы неконкурентного режима будет в ближайшее время значительно ослабевать, а спрос на альтернативные модели политического устройства — возрастать | **КИРИЛЛ РОГОВ**

Начало экономического кризиса в России поставило перед экспертами вопрос о возможных последствиях экономических потрясений для российской политической системы, в свою очередь претерпевшей на протяжении 2000-х годов заметную и драматическую эволюцию. Согласно весьма популярной точке зрения, эта эволюция — процесс дедемократизации политической жизни и централизации механизмов принятия решений — была непосредственно связана с чрезвычайно благоприятной динамикой социальных и экономических показателей. Рост экономики в среднем на 6–8 проц. в год и ежегодный рост реальных располагаемых доходов населения на 10–15 проц. обеспечивали социальную стабильность и высокий кредит доверия со стороны населения и элит к политическому руководству. Соответственно, прекращение роста экономики и доходов вследствие экономического кризиса, как предполагалось, должны привести к разрыву социального договора, который можно выразить формулой «опережающий рост благосостояния в обмен на отказ от прав политического участия». Верна ли эта гипотеза, замешенная на экономическом детерминизме?

Кризис: позади или впереди?

Сразу оговоримся, что особенности протекания экономического кризиса на протяжении 2009 года не дают достаточных данных для ее проверки. Первые фазы кризиса (сентябрь–декабрь 2008 года) действительно выглядели достаточно грозно: падение цен на нефть и потрясения в американской финансовой системе вызвали бегство капитала из страны, что привело к крушению фондового рынка и ослаблению национальной валюты; к тому же полной неожиданностью оказались масштабы падения производства, выраженные двузначными цифрами. Однако управляемая девальвация рубля, значительные финансовые вливания в банковскую систему и — главное — начавшееся весной 2009 года восстановление цен на нефть привели к противоречивой стабилизации: падение промышленного производства прекратилось к апрелю–маю, но с тех пор демонстрирует крайне вялую динамику, близкую к стагнации, в то время как инфляция снизилась до минимальных значений, а резервы ЦБ уверенно растут; кроме того, динамика реальных располагаемых доходов снижалась в первой половине года незначительно, особенно в сравнении с темпами их роста в предыдущие годы.

Все это ясно отражалось в динамике социального самочувствия населения. На графике 1 эта динамика отражена в изменениях четырех показателей: 1) индекса потребительских настроений Левада-Центра, 2) баланса положительных и отрицательных оценок в опросе Левада-Центра о положении дел в стране («дела идут в правильном направлении / страна движется по неверному пути»), 3) уровня отрицательного баланса оценок экономических настроений и ожиданий (опросы ФОМ о текущем экономическом положении и ожиданиях его изменений) и 4) уровня негативных оценок динамики личного материального положения (ответ «ухудшилось») в опросах ФОМ. Как видим, все показатели демонстрируют резкое ухудшение социального самочувствия с октября 2008 года, с пиком «негатива» в феврале–марте 2009-го, а затем улучшение и стабилизацию весной–летом 2009 года.

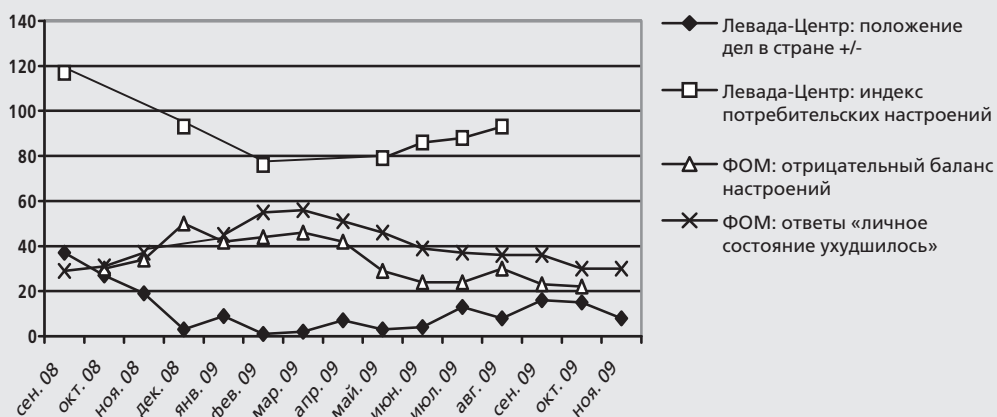
Если же сравнивать глубину максимального падения настроений с предшествующими периодами, то можно отметить, например, что наблюдаемый на протяжении зимы 2008–2009-го нулевой баланс оценок текуще-

го положения дел в опросах Левада-Центра был характерен для большей части 2006 года и для 2001–2002 годов, в 2003 и 2005 годах соотношение было хуже (отрицательный баланс), а в 1998–1999 годах отрицательный баланс оценок составлял более 50 пунктов. Таким образом, несмотря на возникновение локальных точек напряжения, в целом социальные последствия кризиса оказались пока весьма ограниченными, по сути – некризисными.

Это, впрочем, вовсе не означает, на наш взгляд, что кризис остался в прошлом. Дело не только в том, что неизвестны фундаментальные факторы, способные вновь вывести российскую экономику на траекторию устойчивого роста, еще важнее, что не исчезли те дисбалансы в мировых финансах, которые могут привести к новому ухудшению макроэкономических условий в России. Правительства большинства стран преодолели острую фазу кризиса массовой ликвидностью, что, по сути, вело к поддержанию докризисных «пузырей», в частности – к переоцененности сырьевых товаров и спекулятивному пере-

График 1

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ (СЕНТЯБРЬ 2008 – СЕНТЯБРЬ 2009 гг.).

току капиталов. Планируемый в следующем году запуск «программ выхода» (*exit strategies*), то есть планов постепенного сворачивания государственной поддержки экономик, подразумевающих ужесточение денежной политики, с высокой вероятностью приведет к новому раунду снижения сырьевых цен и оттока капиталов со спекулятивных рынков.

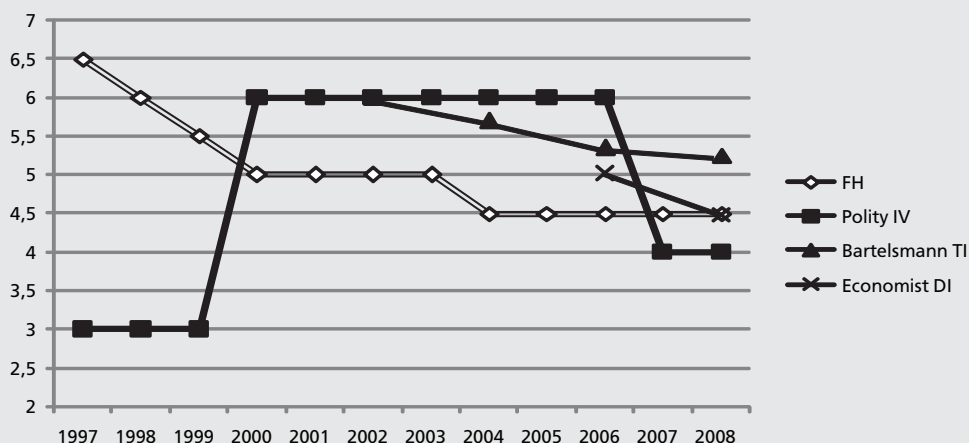
Так или иначе, практически предметом консенсуса сегодня является мнение, что в ближайшие годы не повторится ситуация 2004–2008 годов, когда доходы от экспорта в стоимостном выражении увеличивались ежегодно на 20–30 проц., а объемы притока капитала — на 40–80 процентов. Это означает, что России придется искать новую модель экономического роста, чтобы обеспечить стабильность доходов и сохранение

достигнутого уровня жизни, а значит, и вопрос о возможных метаморфозах политического ландшафта остается принципиально открытым.

Однако, чтобы представить себе, какое влияние экономический кризис и наступившая рецессия могут оказать на российскую политику, важно ответить на ряд вопросов, касающихся характера политических процессов последних лет: уяснить, что именно означают слова «дедемократизация России», то есть какие именно элементы демократии имели место (если имели) и были демонтированы? какими механизмами они были заменены, то есть какие правила политического процесса пришли на смену прежним? что обеспечило относительную бесконфликтность этого процесса, то есть его легитим-

График 2

ДИНАМИКА ИНДЕКСОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

FH — Freedom House Combined Index; комбинированный индекс равняется среднему арифметическому индексов «политических прав» и «гражданских свобод»; индекс может принимать значение от 1 до 7, причем более высокое значение соответствует меньшему уровню прав и свобод; для сопоставимости результатов значения индексов преобразованы по формуле $N_i = 10 - N$, где N — значение индекса *FH*.

Polity IV — Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions

Bartelsmann TI — Bartelsmann Transformation Index (Political Transformation Results)

Economist DI — Economist Intelligence Unit's Index of Democracy

ность в глазах населения и элит? и наконец — как в этом контексте может выглядеть, в чем заключаться новая волна демократизации в России?

Демократия против демократии: дилемма Шумпетера и идейная база путинской дедемократизации

«НОВЫЙ РЕЖИМ» И ДЕМОКРАТИЯ Мнение, что Россия в 2000-е годы переживала процесс дедемократизации, является более или менее общепризнанным в экспертном сообществе. Различные международные индексы единодушно и определенно фиксируют регресс в политической сфере: несмотря на разницу методологий и даже несогласие в интерпретации процессов, имевших место на рубеже 1990–2000-х годов, ухудшение положения с демократией в России после 2003 года отражают все измерения (см. график 2).

Эти оценки опираются на хорошо известные факты, свидетельствующие о сокращении гражданских свобод, возможностей для политической деятельности, наличии мягких и жестких ограничений свободы СМИ, преследовании активистов политических движений, а также бизнес-групп, оказывающих несанкционированную поддержку политическим кампаниям и партиям, наконец, о все более широком использовании административных рычагов при проведении предвыборной кампании, организации выборов и подсчете голосов. Однако существует и вполне влиятельная оппозиция этому общему экспертному взгляду. На заданный Фондом «Общественное мнение» вопрос «Когда демократии в нашей стране было больше всего?» (март 2005 года) двумя наиболее популярными вариантами ответов стали: «при Путине» (29 проц.) и «затрудняюсь ответить» (28 проц.); другие варианты пользовались ощутимо меньшей поддержкой («при Брежнев» — 14 проц., «при Горбачёве» — 11 проц., «при

Ельцине» — 9 проц.). Этому обстоятельству, как нам представляется, уделено недостаточное внимания.

Действительно, вопрос «Что происходит с демократией в России?» в разрезе актуальных общественных дискуссий и массовых представлений выглядит значительно более сложным и запутанным. Здесь можно выделить, по меньшей мере, три точки зрения. Первая: «демократии в России становится меньше». В обоснование этого взгляда обычно приводится тот набор фактов и аргументов, который был бегло очерчен выше. Вторая: «демократии в России нет, но никогда и не было». Этот взгляд актуализирует негативную оценку политической системы России образца 1990-х годов, а настоящее положение дел выглядит логическим продолжением предшествующего. Наконец, третья позиция: «демократии в России нет, но становится больше» — подразумевает позитивную оценку изменений социальной и политической обстановки в 2000-е в сравнении с предыдущей эпохой. Эти три взгляда не только определяют сюжет общественной полемики о положении дел с демократией в России, но и отражаются в массовых представлениях об этом вопросе (см. табл. 1).

Представление о том, что «демократии при Путине стало больше», выглядит не только вполне укорененным в массовом сознании, но и вполне содержательным, то есть связанным с определенным проблемным полем. Рассматривая динамику оценок политического процесса (см. табл. 2), мы обнаружим, что впечатляющий (в 2,5 раза) рост доли тех, кто считает, что Россия движется по пути демократического развития, происходит на протяжении 2000-х годов на фоне интенсивного сокращения тех, кто характеризует текущую политическую ситуацию словами «хаос,

Таблица 1

«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ...» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ) (ОПРОС ЛЕВАДА–ЦЕНТРА, ЯНВАРЬ 2008 ГОДА, N = 1 600)	
Активно движется по пути демократии	33
Затормозилась в этом движении	30
Никогда не начинала двигаться по пути демократии	19
Затруднились ответить	18

Источник: Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2008. С. 22.

анархия» (снижение на 40 процентных пунктов за 1997–2007 годы).

При этом число тех, кто оценивает «новый режим» как недемократический («советские порядки» + «авторитаризм, диктатура»), слегка увеличившись в начале периода, на протяжении 2000-х остается практически неизменным (около 20 проц.). В середине 2000-х, правда, доля группы, описывающей ситуацию как «хаос, анархию», продолжает быстро сокращаться (с 30 проц. в 2005 году до 14 проц. в 2007-м), но число «демократических оптимистов» растет гораздо медленнее, зато быстро увеличивается доля «затруднившихся ответить» (с 18 проц. в 2005 году до 28 проц. в 2007-м) ¹. Таким образом, доминирующее мнение рассматривало основное содержание политических процессов в 2000-е годы как движение от «неупорядоченности» к «упорядоченности» и не склонно усматривать в этой «упорядоченности»

черты антидемократичности, хотя сомнения в определении ее качества по мере деактуализации понятий «хаос» и «анархия» постепенно нарастают.

То, что оценка путинского правления как времени укрепления демократии не является случайной и поверхностной, становится особенно очевидным, если мы рассмотрим также ответы на группу вопросов, связанных с понятием «свобода».

Как видим, между 1990 и 1997 годами произошли драматические изменения в оценке ситуации со свободой (см. табл. 3): число респондентов, считающих, что свободы слишком мало, сократилось в 2 раза, и в тех же масштабах выросло число людей, считающих, что свободы слишком много. Очевидно при этом, что в ответе «свободы слишком мало» понятие «свобода» окрашено позитивно — это «партия демократизации»; в то время как в ответе «свободы слишком много» это понятие имеет негативные

Таблица 2

«В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИВАЕТСЯ СЕЙЧАС ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ?» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)	1997	2000	2005	2006	2007	2009
Развитие демократии	14	26	32	33	36	36
Восстановление советских порядков	12	14	7	6	9	9
Становление авторитаризма, диктатуры	4	6	12	14	13	14
Наращивание хаоса, анархии	54	37	30	22	14	21
Затруднились ответить	17	17	18	24	28	20

Источник: Данные опросов Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ).

Таблица 3

«СЕЙЧАС ЛЮДИ В РОССИИ ИМЕЮТ ДОСТАТОЧНО СВОБОДЫ, СЛИШКОМ МАЛО СВОБОДЫ ИЛИ СЛИШКОМ МНОГО СВОБОДЫ?» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ) (ОПРОСЫ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА (ДО 2003 ГОДА — ВЦИОМ), N = 1 600)				
	нояб. 1990	май 1997	июль 2007	июль 2008
Слишком мало свободы	38	20	12	18
Достаточно свободы	30	32	57	56
Слишком много свободы	17	34	24	20
Затрудняюсь ответить	16	14	6	7

Источник: Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2008. С. 88.

коннотации — это «партия порядка». Перемены между 1997 и 2007 годами тоже выглядят вполне принципиальными: теперь считающие, что свободы слишком мало и слишком много, — две равновесные группы (около 20 проц.), в то время как большинство (56 проц.) считает, что свободы в самый раз.

Оценки россиянами динамики уровня «свободы» вообще выглядят на редкость определенными и последовательными. Так, отвечая в июле 2008 года на вопрос, чего стало за последние 5 лет в российском обществе больше, а чего меньше, консолидированное большинство (56–70 проц.) указало, что стало меньше «справедливости», «солидарности», «законности», «порядка», «гражданской активности». Такие оценки выглядят вполне ожидаемыми у склонных к социальному пессимизму россиян; тем более неожиданным предстает единственный пункт, по которому был дан столь же консолидированный положительный ответ: 66 проц. респондентов считают, что в последние 5 лет стало определенно или скорее больше «свободы». Ответы на другой вопрос Левада-Центра («Чувствуете ли вы себя свободным?») демонстрируют ту же тенденцию: в 1997 году свободными или скорее свободными чувствовали себя 42 проц. респондентов, в 1999-м — 36 проц., в 2003-м — уже 66 проц., а в 2008-м — 70 процентов.

Столь определенное и даже, можно сказать, энергичное мнение респондентов о росте уровня «свободы» в 2000-е годы, безусловно, придает больший вес и их суждениям об «укреплении демократии». Но в то же время ставит перед нами драматический вопрос: что означают столь радикальные расхождения экспертных оценок эволюции политического режима и массовых оценок этой эволюции? Речь, очевидным образом, идет уже не о том, *сколько* демократии — больше или меньше, а о том, *что* это вообще такое?

ТРИ ОБЛИКА ДЕМОКРАТИИ Как не раз отмечалось, убежденность респондентов в росте уровня свободы и прогрессе демократии в 2000-е годы соседствует с ярко выраженным равнодушием к *процедурам демократии*, к традиционным формам участия в политическом процессе и его правилам. Так, в обществе, 70 проц. членов которого ощущают себя свободными людьми, при ответе на вопрос «В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит 1) в вашем городе, селе, районе, 2) в стране?» более 90 проц. в 2008 году выбрали ответы «в незначительной степени» и «совершенно нет». И здесь нет противоречия: «неучастие» в значительной мере является результатом сознательного выбора; так, на вопрос «хотели бы вы участвовать в политической жизни хотя бы на уровне своего города?» 63 проц.

опрошенных в 2008 году отвечали «скорее нет» и «определенно нет»².

Более полную картину можно наблюдать при ранжировании респондентами характеристик демократии. Так, в опросе, предлагавшем респондентам указать наиболее существенные признаки того, что общество является демократией (Левада-Центр, январь 2008 года), с большим отрывом лидирует ответ «высокий уровень жизни населения» — на этот признак указали 60 проц. респондентов. Признаки демократии, характеризующие ее как «режим законности» / *rule*

обнаружить вполне ясную логику: наиболее часто упоминается то, что можно охарактеризовать как «блага демократии» (достаток, порядок, личная независимость), на втором месте — то, что, вероятно, выступает в представлении респондентов в качестве «институциональной нормы», так сказать, общественного идеала (законность и справедливость — *rule of law*), и лишь на третьем — собственно механизмы и процедуры демократии как политического режима (выборность, сменяемость, участие, защита прав меньшинств). Говоря о том, что демократии в последние

“Институты и механизмы демократии предстали массовому сознанию не только не связанными с целями «общего блага», но скорее противопоставленными им”.

of law («порядок, соблюдение законности», «равенство всех граждан перед законом», «соблюдение политических прав и свобод граждан»), упоминали 44–49 проц. опрошенных; наконец, специфические процедурные признаки демократии («разделение властей, независимость суда и законодательной власти», «плюрализм мнений, отсутствие государственного контроля над СМИ» и «соблюдение прав и интересов национальных и иных меньшинств») были упомянуты лишь 6–12 проц. респондентов³. В аналогичном опросе с иной формулировкой («Что такое демократия?»), проводившемся на протяжении 2004–2007 годов, также «общие свободы» (свобода слова, печати, вероисповедания) отметили более 40 проц. респондентов, «экономическое процветание» и «порядок и стабильность» — около 30 проц., «строгую законность» — около 25 проц., «выборность всех высших государственных руководителей» — около 15 проц., а «соблюдение прав меньшинств» — 5 проц. опрошенных.

Если рассматривать это ранжирование без излишнего резонанса, в нем можно

годы стало больше, люди, скорее всего, имеют в виду, что «блага демократии» стали доступнее, при этом значимость процедур и правил демократии как таковой на этом фоне, наоборот, по всей видимости, для них снижается.

Действительно, возвращаясь к обозначенным выше трем различным оценкам положения дел с демократией в России («стало меньше», «нет и не было» и «стало больше»), можно, кажется, разглядеть за ними три различных понимания демократии, три разных ее «облика», представленных сегодня в российском общественном мнении.

Люди, которые придерживаются точки зрения, что «демократии стало в последние годы меньше», имеют в виду, несомненно, как раз то сокращение уровня «публичной состязательности» и возможностей прямого участия в политике, на которое указывают эксперты, говоря о путинской дедемократизации. В центре представлений о демократии здесь оказывается идея конкуренции. Конкуренция для представителей этого взгляда — это возможность соревнования раз-

личных групп в публичном пространстве, возможность личного участия и личного выбора в этом соревновании. При этом политическая конкуренция так или иначе ассоциируется, по-видимому, с эффективной работой социальных лифтов и рыночных механизмов. Представителей этого взгляда, наверное, можно назвать «людьми 1990-х годов», которые открыли для них возможности быстрого и радикального изменения положения в обществе. В то же время проблема обеспеченности (защищенности) прав человека и проблема равенства прав выглядят здесь менее значимыми, чем сама возможность конкурировать и добиваться успеха пусть даже в условиях неустойчивой правовой среды и отсутствия гарантий справедливости.

Вторая позиция («демократии нет и не было») в наибольшей степени следует политическим идеалам правозащитного движения, а в 1990-е была наиболее отчетливо представлена в идеологии и электорате партии «Яблоко». Понятие «права человека», «законность» и в целом комплекс институциональных признаков, характеризующихся понятием *rule of law*, являются здесь лидирующим ядром, *sine qua non* демократии, и любой режим, который будет отвечать прочим критериям «демократичности» (например, «конкурентность»), но не обеспечит соблюдения «правового» критерия, будет считаться в рамках такого взгляда «псевдodemократией». Именно поэтому для представителей этой точки зрения демократический проект в России потерпел поражение уже в 1990-е годы, а признаки демократии, наблюдавшиеся в политической жизни тех лет и утраченные ныне, не имеют решающего значения.

Наконец, третья концепция, наиболее влиятельная в массовом сознании 2000-х годов, но и наиболее архаичная, — это представление о демократии как способе достижения целей «общего блага». Правительство, которое, по мнению сторонников такого понима-

ния демократии, пытается достичь и достигает целей «общего блага», в наибольшей степени соответствует образу «демократического». Эта концепция оказывается в значительной мере полемичной по отношению к первой: правительство «общего блага» противопоставлено негативному по существу образу «конкурентной демократии», где «общие интересы» выглядят подмененными интересами элитных групп, ведущих политическую борьбу, участие в которой не приносит значимых выгод населению в целом. Именно сторонники такого понимания демократии обеспечивали поддержку политики дедемократизации Владимира Путина, ограничившей, по их мнению, подобную «негативную конкуренцию», и именно они высказывают стойкое убеждение в том, что демократии в 2000-е годы в России «стало больше».

Действительно, в рамках той доктрины, которая консолидировала и вдохновляла массовое демократическое движение в России на рубеже 1980—1990-х годов, политическое требование демократизации рассматривалось как необходимый шаг к построению общества процветания и массового достатка («как на Западе»), в то время как политическая диктатура КПСС выглядела главным препятствием на этом пути. Представление о ценности политического плюрализма и публичной конкуренции (механизмов демократии) выглядело в рамках этой доктрины неразрывно связанным с достижением целей «общего блага». В 1990-е годы эта связь оказалась разорванной и первоначальное представление о «демократии» подверглось глубокой эрозии: институты и механизмы демократии предстали массовому сознанию не только не связанными с целями «общего блага», но скорее противопоставленными им. Эта эрозия представлений о демократии, по сути, и стала идеологическим фундаментом поддержки путинского курса на сокращение «публичной состязательности», который был

расценен, однако, не как отказ от демократии, но как возвращение к «прямой» (подлинной) демократии, ассоциированной с целями «общего блага».

Вполне сознательно здесь для описания этих представлений мы используем то самое понятие — «общее благо» (*the common good*), — которое использует Йозеф Шумпетер для анализа «классической» доктрины демократии, восходящей к мыслителям XVIII века и столь блистательно им отвергаемой в пользу универсальности принципа конкуренции⁴. Рационалистическая утопия «общего блага»

ставлений и в контексте одобрительного отношения россиян к антидемократическим новеллам Путина во внутренней политике, как правило, сводится к констатации низкого «спроса на демократию» в российском общественном мнении, и отсюда — к дебатам о самой возможности ассимиляции демократических ценностей российским массовым сознанием. При этом одни исследователи рассматривают «низкий спрос на демократию» как органическую черту «русской ментальности» — господствующих в обществе представлений о социальной

“Политика Путина и, в частности, ее антидемократические новации рассматриваются значительной частью общества как не противоречащие ценностям демократии”.

становится идейной основой эгалитаристского понимания демократии как «представительства большинства», которое не только не страхует общество от авторитарных практик, но в известном смысле поощряет и оправдывает их. Надо заметить, что именно такое эгалитаристское понимание демократии как правительства «интересов большинства» было встроено и в коммунистическую доктрину, отвергавшую отнюдь не идею «представительства», но именно принцип свободной конкуренции общественных идей и интересов как основы непреднамеренного, самоподдерживающегося общественного развития. И его ренессанс со второй половины 1990-х годов на фоне разочарования в конкурентных механизмах демократии не выглядит удивительным. При этом не только в массовом сознании, но и в сознании российских элит различие «благ», «целей» и «механизмов» демократии остается в значительной мере неотрефлексированным.

Обсуждение проблемы «восприятия демократии» в России в разрезе массовых пред-

реальности, другие же указывают на известную укорененность демократических моделей в общественном сознании; данные социологических опросов позволяют как будто аргументированно обосновать и ту и другую точку зрения⁵. Мы же хотели обратить внимание не только на то, что поддержка антидемократических практик и ценностей соседствует с общим одобрением демократии как предпочтительного политического строя (около 60 проц.) и таких его институтов, как выборность высших руководителей и оппозиция, но и на то, что сама политика Путина и, в частности, ее антидемократические новации, направленные на ограничение публичной конкуренции, рассматриваются значительной частью общества как не противоречащие ценностям демократии. Речь скорее должна идти не об отсутствии (снижении) спроса на демократию, а о снижении спроса на политическую конкуренцию как признак демократии. Российское общество не столько отказалось или отвернулось от демократии, сколько попыталось искать ее «в другом месте», что, в свою

очередь, и стало идеологической базой поддержки «нового режима», предложившего обществу в качестве «исправленной демократии» очередное издание правительства «общего блага» — утопию бенеvolentного авторитаризма.

От конкурентной олигархии к инклюзивной гегемонии: модель «навязанного консенсуса» в условиях экономического роста

РЕЖИМ ОГРАНИЧЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ Вопрос о реальном содержании политической трансформации, переживаемой Россией в 2000-е годы, на самом деле не выглядит вполне очевидным не только в массовых представлениях, но и на экспертном уровне. Согласие политологов не простирается далее констатации плачевного положения дел с демократией в России, более же конкретный вопрос: в чем именно заключалась путинская демократизация? — чреват серьезными спорами, ибо непосредственно связан с оценкой того режима, который сложился в России к концу 1990-х годов. Спор, разумеется, не о том, был ли этот режим консолидированной демократией; оценивая его, политологи, как правило, пытаются ответить на неявный вопрос: являлась ли эта незавершенная политическая система движением *к демократии* или уже движением *от нее*? Была ли это неконсолидированная демократия либо «ослабленный авторитаризм», как предлагает интерпретировать подобную «гибридность» часть исследователей? Эта дискуссия, впрочем, в известной мере отражает смену теоретических ориентиров компаративистики в начале 2000-х годов: отказ от транзитологической парадигмы, доминировавшей в 1990-е, стал новым политологическим мейнстримом, и точно так, как прежде в каждой незавершенной политической системе принято было видеть «переход к демократии», теперь оказалось ценным разглядеть еще

одну разновидность «гибридного режима» и формирующийся «электоральный авторитаризм»⁶.

Однако, если оставить в стороне телеологический аспект проблемы («стакан наполовину пуст или наполовину полон?») и рассмотреть фактическое различие российских политических практик конца 1990-х и 2000-х годов, нельзя не признать, что важнейшим отличием прежней (ельцинской) политической системы была ее конкурентность, надежным и вполне объективным показателем которой следует считать конкурентность выборов. Разумеется, конкурентные выборы вовсе не обязательно свидетельствуют о «торжестве демократии» (консолидации демократического режима); они вполне могут не быть честными и прозрачными (и ситуация эта в неконсолидированных демократиях является вполне ordinарной). Вместе с тем они надежно свидетельствуют об определенных качественных характеристиках политического режима: о фактической легитимности в его рамках оппозиции в частности и принципа открытой состязательности в целом, а также о наличии реальной инфраструктуры, обеспечивающей политический плюрализм (относительно свободные СМИ, политический активизм, партийная инфраструктура, обеспеченная свобода мнения и волеизъявления). И наоборот — отсутствие на выборах конкурентной ситуации является надежным свидетельством того, что такая инфраструктура отсутствует или фиктивна. Характерно, что электоральные автократии научились имитировать многие атрибуты демократии (ограниченная свобода СМИ, управляемая оппозиция и даже формальная сменяемость власти), однако последовательно стремятся не допустить реальной конкуренции на выборах, ибо это именно та ситуация, когда «декорации оживают», как раз то, что отличает имитационные режимы от плюралистических.

Снижение конкурентности выборов в России в 2000-е годы выглядит вполне объективным и измеряемым явлением. Тату Ванханен, разработавший широко известную методику оценки уровня демократичности на основе формальных критериев (уровень участия населения и количество голосов, поданных за оппозицию), предлагает считать **неконкурентными** выборы, в которых оппозиция получает менее 30 проц. голосов⁷. Этот критерий действительно дает нам представление о том, существует ли в обществе легальная оппозиция, обладающая ресурсами и инфраструктурой для консолидации своих сторонников, однако не дает ответа на вопрос, имеет ли место фактор непредсказуемости исхода голосования и, соответственно, реальная угроза смены власти (что в соответствии с кратким определением демократии является важнейшей характеристикой политического режима). Поэтому мы предлагаем в дополнение к упомянутому критерию еще один формальный показатель: **вполне конкурентными** можно считать выборы, на которых разрыв между лидерами гонки не превышает 15 проц. либо превышает, но выборы выигрывает оппозиция (во втором туре). Это произвольно выбранное значение, свидетельствующее о соизмеримости ресурсов основных конкурентов, а значит — и о наличии гипотетической возможности перехода власти по результатам

голосования. Соответственно, промежуточный вариант (оппозиция получает более 30 проц. голосов, но разрыв между лидерами превышает 15 проц.) может быть охарактеризован как **частично конкурентные** или **плюралистические** выборы. Это ситуация, когда оппозиция недостаточно сильна, чтобы вести реальную борьбу за власть, но достаточно укоренена и легитимна в глазах общества, располагает определенной инфраструктурой, а право граждан на участие в политике и на свободное политическое самоопределение де-факто признано как законное.

Исходя из этих критериев, вполне конкурентными можно считать президентские выборы в России 1991 и 1996 годов (на первых победил представитель оппозиции, а на вторых разрыв между кандидатами в первом туре составил 3 проц.)⁸. Выборы 2000 года вполне можно характеризовать как плюралистические: в целом оппозиционные кандидаты набрали 44,2 проц. голосов и, что особенно важно, «кандидат № 2» получил поддержку почти 30 проц. избирателей. Этот результат свидетельствует, что, хотя угроза непредсказуемого исхода голосования отсутствует, оппозиция еще располагает определенными ресурсами и инфраструктурой для консолидации своих сторонников (доступ к основным

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОЛОСОВ МЕЖДУ КАНДИДАТАМИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1991—2008 ГГ. (В %)					
	1991	1996 (1-й тур)	2000	2004	2008
№ 1	57,30	35,28	52,94	71,31	70,28
№ 2	16,85	32,03	29,21	13,69	17,72
№ 3	7,81	14,52	5,80	4,10	9,35
№ 4	6,81	7,34	2,95	3,84	1,30
Прочие	7,16	7,86	6,28	2,77	—

Источник: Данные Центризбиркома

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОЛОСОВ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ НА ВЫБОРАХ В ДУМУ I–V СОЗЫВОВ (В %)					
	1993	1995	1999	2003	2007
№ 1	22,92	22,30	24,29	37,57	64,30
№ 2	15,51	11,18	23,32	12,61	11,57
№ 3	12,40	10,13	13,33	11,45	8,14
№ 4	8,13	6,89	8,52	9,02	7,74
№ 5	7,99	4,61	5,98	4,30	2,30
№ 6	7,86	4,53	5,93	3,97	1,59
№ 7	6,73	4,31	2,2	3,64	1,05
Прочие	14,24	29,31	11,5	10,67	2,20

Источник: Данные Центризбиркома

СМИ, свобода агитации, партийная инфраструктура, наблюдатели).

В свою очередь, выборы 2004 и 2008 годов характеризуются не только отсутствием реальной борьбы за власть, но и отсутствием консолидированного оппозиционного кандидата и реального политического плюрализма (проигравшие участники набирают менее 30 проц. голосов), а потому должны рассматриваться как неконкурентные (см. табл. 4).

С определенными поправками эти критерии могут быть применены и к парламентским выборам. Здесь мы в целом наблюдаем ту же тенденцию (см. табл. 5).

В 1990-е годы результат партии, набравшей наибольшее число голосов, был меньше суммы голосов трех следовавших за ней партий – доминирующая партия отсутствовала. В 2003 году результат партии-победителя превосходит сумму голосов, отданных за все три партии, прошедшие вместе с ней в парламент, а результат каждой из этих партий он превосходит в 3–4 раза. Это означает, что вес игроков, участвующих в выборах, несопоставим и что распределение ролей «победителей» и «проигравших» произошло (не важно, по каким причинам) еще до голосования⁹. Выборы 2007 года имеют ярко выраженный

плебисцитарный характер: хотя формально оппозиция получила более 30 проц. голосов (34,59 проц.), партии, преодолевшие 7-процентный барьер, получили в парламенте меньше 30 проц. мест, а разрыв между партией-лидером и ближайшим конкурентом составил более 50 процентных пунктов. Такие выборы следует считать неконкурентными¹⁰.

Как видим, федеральные выборы в России оставались конкурентными вплоть до президентской кампании 2000 года. Вместе с тем необходимо отметить, что электоральная конкуренция в рамках этого политического режима имела существенные ограничения. Прежде всего, результатом выборов ни разу не стала смена правительства или главы исполнительной власти. На парламентских выборах этому способствовала как смешанная система, размывавшая итоги голосования за партийные списки, так и особенности конституционного устройства, позволявшие правительству проводить политику относительно автономную от мнения парламентского большинства. В реальности расклад голосов в парламенте позволял оказывать значительное влияние на эту политику и на законодательный процесс в

целом в режиме разменов и компромиссов; более того, состав правительства мог также существенно корректироваться по итогам выборов, приобретая де-факто коалиционный характер, однако коалиция эта формировалась не как итог публичных договоренностей между партийными фракциями, получившими представительство в Думе по результатам голосования, но в процессе закулисного торга стоящих за этими партиями элит, в ходе которого результаты выборов хотя и учитывались, но «перевзвешивались» в

открытости региона (историко-культурными факторами, значение которых очевидно, к примеру, в мусульманских регионах). Так, например, выборы в Санкт-Петербурге в 1996 году были абсолютно конкурентными (разрыв между кандидатами в первом туре составил 7,5 проц. и действующий губернатор проиграл во втором туре), а в 2000 году — неконкурентными (действующий губернатор получил в первом туре 72,7 проц. голосов). Характерно при этом, что на федеральных выборах 1999 года ситуация в Петербурге была абсолютно

“Рассматривая политический режим конца 1990-х как «приготовление» путинского режима, мы жертвуем исторической фактурой ради обаяния детерминизма”.

рамках непрозрачных процедур. Именно эти теневые элитные группы, спонсировавшие партийные кампании, а не сами партии и отдавшие им свои голоса избиратели в результате оказывались главными бенефициарами итогов электоральной конкуренции.

Второй важной особенностью режима ограниченной конкуренции было то, что конкурентность выборов не являлась универсальной характеристикой политической системы. Если рассмотреть корпус данных по губернаторским выборам, прошедшим с 1993 по 2000 год, то мы увидим, что чуть больше трети из них могут быть по формальным критериям охарактеризованы как вполне конкурентные (разрыв между основными кандидатами составил меньше 15 проц. или инкубент потерпел поражение), чуть больше трети — как совершенно неконкурентные и еще около 30 проц. как отчасти конкурентные. При этом уровень конкуренции на региональных выборах лишь частично может быть объяснен уровнем политической культуры и

конкурентной, а результат — наиболее благоприятным для реформистских партий во всей стране (17,9 проц. у «Единства», 17,6 проц. у СПС, 15,9 проц. у «Отечества», 14,3 проц. у КПРФ и 11,3 проц. у «Яблока»). Аналогичная ситуация наблюдается и в Москве: на федеральных выборах москвичи демонстрируют, как правило, большую, чем в среднем по стране, приверженность политическому плюрализму, в то время как выборы мэра Москвы всегда носили абсолютно неконкурентный характер (действующий мэр неизменно получал 70–90 проц. голосов в первом туре).

Как уже отмечалось исследователями политических режимов российских регионов, ключевым фактором, определявшим выбор конкурентного/неконкурентного режима на региональном уровне, являлось наличие или отсутствие раскола элит¹¹. Идеологические и социальные противоречия оставались на периферии политической жизни в случае, если элиты были консолидированы или способны найти баланс интересов, не вовлекая население в выяснение

своих отношений, и наоборот — наличие непреодолимых противоречий или стремление одной из групп изменить баланс сил способствовало переносу конфликта в политическую плоскость и вовлечению в него населения.

Таким образом, режим ограниченной конкуренции, характеризовавший политическую систему, которая сложилась к концу 1990-х годов, существовал как на федеральном, так и на субфедеральном уровне. При этом на федеральном уровне механизм ограничений был преимущественно связан с возможностью манипуляций при интерпретации итогов относительно свободного волеизъявления, что открывало пространство для межэлитного торга, в то время как на региональном уровне само наличие/отсутствие конкурентных выборов отражало неуспех или успех такого торга.

Подчеркнем, однако, еще раз, что, несмотря на эти важные изъятия, режим ограниченной политической конкуренции предопределял существование инфраструктуры, свойственной плюралистической политической системе, и тем самым обеспечивал фактическую легитимность оппозиции, гарантии реальной свободы мнения и политического активизма, реальный плюрализм в сфере массмедиа и, наконец, более высокий уровень публичности принимаемых решений и обсуждения их последствий. Эта инфраструктура не способна была обеспечить сменяемость власти (в этом смысле ее функциональность была серьезно ограничена), но не являлась также и имитационной, ибо была приспособлена для решения определенных политических задач в рамках «соревнования элит». Рассматривая политический режим конца 1990-х годов как неконсолидированный, «ослабленный» авторитаризм (подобно Уэю и Левитски; см. примечание 6), своего рода «приготовление» путинского режима, мы,

безусловно, обедняем наш анализ, жертвуем исторической фактурой ради обаяния детерминизма.

МЕЖЭЛИТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

РЕНТЫ В целом политическую систему, сложившуюся к концу 1990-х годов, можно охарактеризовать как своеобразную «демократию элит», что в координатах Роберта Даля примерно соответствует режиму «сореволюционной олигархии»¹². Межэлитные конфликты играли ключевую роль в структурировании политического процесса в эпоху «двойного перехода». Если основной сюжет выборного цикла 1993–1996 годов строился вокруг идеологического конфликта сторонников «нового» и «старого» режимов, подержанного острым конфликтом «новой» и «старой» элит по поводу правил приватизации и перераспределения финансовых ресурсов, то в следующем цикле роль основных акторов смещается от традиционных партий к коалициям элит, связанных с исполнительной властью и бизнес-группами национального и субнационального уровня. Именно эти коалиции формируют свои политические представительства (ОВР и «Единство») и с их помощью апеллируют к электорату с различными программными позициями и установками, стремясь заручиться его поддержкой для укрепления своих позиций и дальнейшей экспансии¹³. При этом элитные группы могут выступать как инициаторами публичной конкуренции, транслируя межэлитные конфликты в сферу политической борьбы, так и ограничивать влияние конкурентной борьбы на исход конфликта — либо используя итоги этой конкуренции в качестве своеобразной «валюты» в рамках последующего торга, либо вообще блокируя политизацию межэлитных конфликтов.

Рассматривая ситуацию под этим углом зрения, можно сказать, что ключевым изменением, определившим эволюцию

политического режима на протяжении 2000-х годов, стало блокирование механизмов «национализации» (политизации) межэлитных конфликтов на федеральном уровне. Если в прежней системе наличие полномочий и ресурсов позволяло элитным группам формировать политические представительства, с помощью которых они вовлекали население в межэлитные противостояния, то в «путинской системе» сохранение за элитами полномочий и ресурсов имело своим условием их отказ от политического представительства («участия в политике»), то есть от прямого обращения к населению за поддержкой. На смену режиму ограниченной конкуренции (сопоставительной олигархии) пришла политическая монополия, которую в координатах Даля, видимо, можно охарактеризовать как «инклюзивную гегемонию», подразумевающая высокий уровень поддержки населением как олицетворяющего политический монополизм Владимира Путина, так и его усилия по ограничению «демократии элит».

Легко заметить, впрочем, что если на федеральном уровне эти режимы предстают нам как сменяющие друг друга, то на региональном обе модели сосуществовали уже в конце 1990-х. По сути дела, неконкурентные региональные режимы предшествующей эпохи стали своеобразными лабораториями демонтажа политического плюрализма и строительства рыночно-авторитарных моделей общественного устройства¹⁴. Особый интерес в этом контексте представляет для нас московский случай неконкурентного регионального режима как образец «мягкого доминирования» в условиях экономического роста и достаточно высокого уровня открытости общества.

Действительно, московский случай выглядит не вполне типичным в

рамках того явления, которое описано в сравнительной политологии как «субнациональный авторитаризм». Эдвард Гибсон, предложивший теоретическую рамку для этого явления, специально отмечал, что процессы демократизации на общенациональном уровне часто ведут к усилению «субнационального авторитаризма»¹⁵. Однако, как правило, «субнациональный авторитаризм» встроен в систему отношений и конфликтов на оси «центр — периферия», обладает характеристиками определенной обособленности, «анклавности» (в качестве важнейшей его характеристики Гибсон указывает функцию «контроля границ», *boundary control*), а кроме того, опирается на выстроенную систему клиентelistских связей и патримониальных образцов. Очевидно, что эта рамка не вполне подходит для случая Москвы — не только юридической столицы страны, но и ее главного мегаполиса, являющегося в целом примером наиболее «открытого» общества и задающего культурные и политические образцы для остальной территории.

В отличие от большинства примеров регионального авторитаризма в России второй половины 1990-х, московская неконкурентная система складывалась на фоне быстрого расширения регионального рынка, значительного притока капитала, роста регионального валового продукта и доходов населения. Это определяло не только высокую лояльность москвичей к местной власти, но и специфику межэлитного взаимодействия и механизмов блокирования межэлитных конфликтов. Исключительная привлекательность московского рынка в сравнении с прочими позволяла мэрии блокировать межэлитные конфликты, используя метод «кнута и пряника» и минимизируя издержки на насилие. Перед участниками рынка стоял выбор: вступить в

открытый конфликт с мэрией с перспективой потерять московский рынок или «играть по правилам», то есть вступать в договорные отношения с местной властью по поводу своего присутствия на рынке и своего места на нем. Функции мэрии заключаются здесь не в тотальном контроле и распределении ограниченных ресурсов, как во многих «анклавных» региональных авторитаризмах, но в «распределении богатства», так сказать, в организации системы допуска к нему. Особенность этой модели определяется тем, что межэлитные конфликты не выглядят

начала складываться в благоприятных экономических условиях 2000-х на общенациональном уровне и которую можно назвать моделью «навязанного консенсуса» в условиях экономического роста, основанного на притоке капитала и внутреннем спросе¹⁶.

С политэкономической точки зрения эту модель можно рассматривать как механизм перераспределения доходов, получаемых на внешних рынках в пользу внутреннего рынка. Часть этих доходов, трансформируясь в доходы населения, способствует расширению

“Московская неконкурентная система складывалась на фоне быстрого расширения регионального рынка, роста регионального валового продукта и доходов населения”.

теперь как игра с фиксированной («нулевой») суммой: согласившаяся с условиями «держателя банка» сторона остается в выигрыше, даже если определенный ей «куш» оказывается меньше, чем тот, на который она рассчитывала. Убытки же терпит лишь тот, кто «нарушает правила»: лишившись лояльности мэрии, он сталкивается с ростом издержек, административным давлением и агрессией конкурентов, стремящихся захватить его долю рынка. Привлекательность московского рынка рассматривается здесь как премия (рента), монополией на распределение которой обладает местное правительство; попытка поставить его монополизм под сомнение вызывает не только противодействие мэрии, но и неодобрение других рентополучателей, не заинтересованных в пересмотре сложившегося *status quo* (пересмотр правил несет для них угрозу аннулирования полученных ранее «ярлыков» на свою долю ренты).

В известном смысле здесь можно видеть прообраз той модели, которая

внутреннего рынка, а затем — в процессе потребления — трансформируется в доходы работающих на внутреннем рынке компаний. В свою очередь, специфика российской административно-капиталистической системы подразумевает высокий уровень монополизации внутренних рынков и аффилированности работающих на нем компаний с административными элитами регионального и федерального уровня. В результате наличие доступа к административным рычагам обеспечивает перераспределение доходов на растущем внутреннем рынке в пользу привилегированных («своих») компаний, связанных с административно-бюрократической вертикалью.

В самом общем виде можно выделить три типа источников ренты, эксплуатация которых является организующим и консолидирующим фактором для наиболее влиятельных «отрядов» российских элит: 1) экспортно-сырьевая рента (доходы от экспорта сырья на внешние рынки), 2) бюджетная рента (доходы от контроля

финансовых потоков бюджетных расходов на федеральном и региональном уровнях) и 3) административная рента (возможности контроля «доступа» к внутренним рынкам на федеральном и региональном уровнях). В отличие от конкурентной ситуации 1990-х годов, когда федеральная власть, региональные элиты и сырьевые олигархии боролись за свои экономические интересы в процессе перераспределения внешних доходов, политическая монополия образца 2000-х возникает, когда «доминирующий игрок» не только контролирует поступление экспортно-сырьевых доходов и правила их перераспределения, но и доступ к источникам ренты на внутреннем рынке (доступ к бюджетной и административной ренте). Пресловутая «вертикаль власти», по сути, и является здесь структурной монополией на доступ к ренте.

Как и в случае с московским неконкурентным режимом, эффективность блокирования межэлитных конфликтов в режиме «навязанного консенсуса» на федеральном уровне связана, с одной стороны, с достаточно высоким уровнем лояльности населения к «власти» (в условиях постоянного роста доходов), снижающим эффективность попыток политизации межэлитных конфликтов, а с другой — с тем, что на быстро растущем рынке межэлитные конфликты перестают быть игрой с фиксированной суммой. Даже простое сохранение доли рынка означает рост абсолютного размера дохода, а значит, число игроков, удовлетворенных своими результатами, будет превышать число тех, кто вследствие локальных переделов остался в минусе¹⁷. Это позволяет доминирующему игроку формировать «распределительную коалицию» и минимизировать издержки на насилие, ограничиваясь выборочными репрессиями.

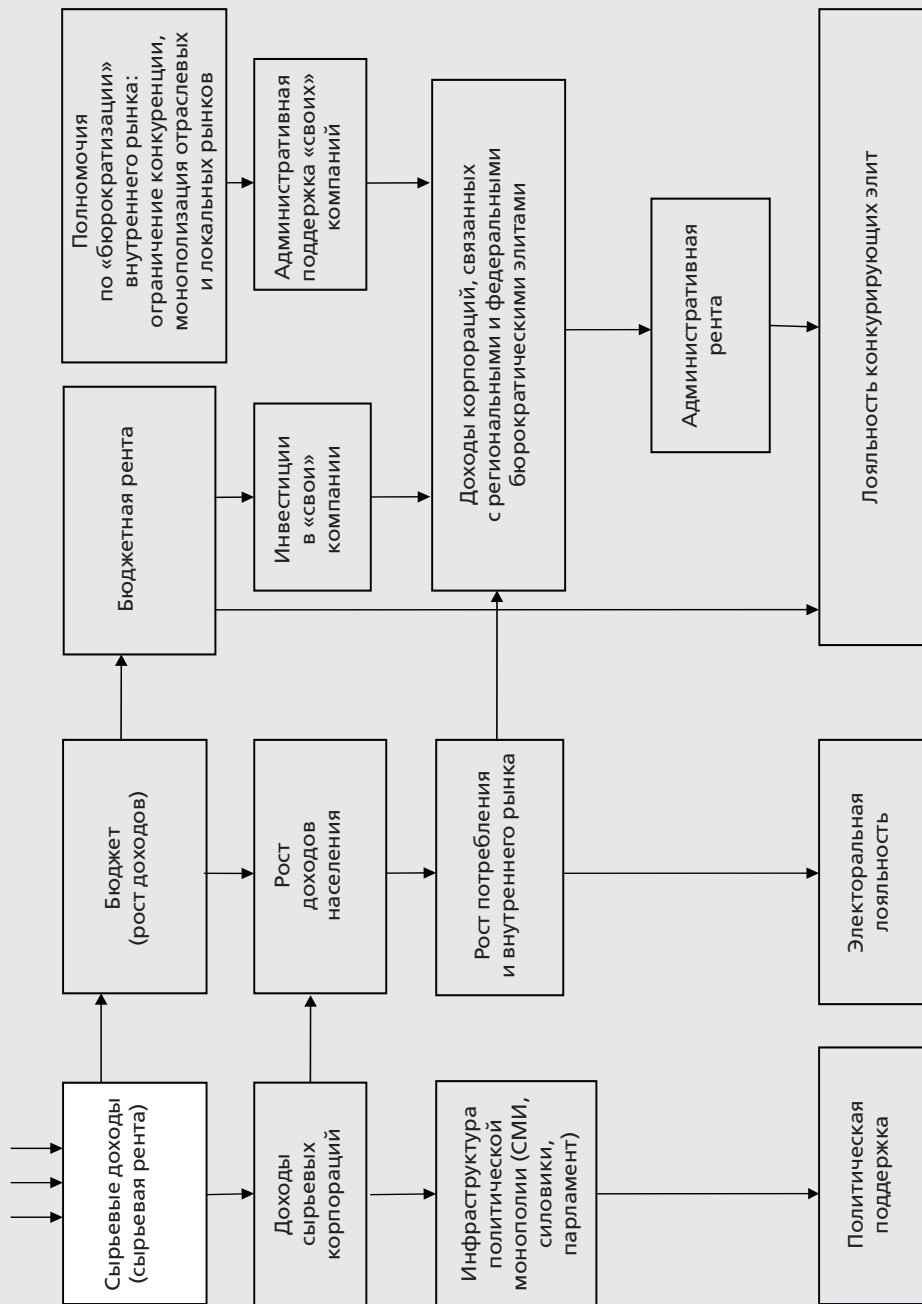
Таким образом, главным условием перехода от плюралистического режима (режима ограниченной конкуренции) к неконкурентному (режиму гегемонии) является способность «доминирующего игрока» блокировать механизмы политизации межэлитных конфликтов. Функции арбитража в этих конфликтах, распределявшиеся ранее между исполнительной властью и населением, теперь сосредоточены в руках исполнительной власти («доминирующего игрока»). А рост доходов населения обеспечивает его лояльность новому порядку и низкое доверие к «проигравшим» элитам. Эта ситуация и представляет собой «навязанный консенсус» в условиях роста доходов, который обеспечивает относительную стабильность «распределительной» коалиции, в которую — на разных ролях — включены «доминирующий игрок», конкурирующие элиты и население (см. схему).

Демократия-2010: что дальше?

Выше мы пытались обратить внимание на некоторые аспекты эволюции политической системы России в 2000-е годы, которые, по нашему мнению, требуют более детального анализа и более тонких дефиниций, нежели те, которые часто предлагаются. Вполне очевидные на эмпирическом уровне отличия нынешнего, «путинского» политического режима от прежнего («ельцинского») нередко вызывают затруднение при попытке их теоретического осмысления. Обсуждению вопроса о детерминированности (или недетерминированности) авторитарной консолидации в России в 2000-е мы хотели противопоставить обсуждение конкретных механизмов этого процесса. Успех этой авторитарной консолидации, пришедшей на смену режиму ограниченной конкуренции, опирается, по нашему мнению, на сочетание двух основных факторов: 1) изменения в массовых настроениях, выразившиеся в

Схема 1

МОДЕЛЬ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕНТЫ В ЦЕЛЯХ СОХРАНЕНИЯ НЕКОНКУРЕНТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
(«НАВЯЗАННЫЙ КОНСЕНСУС») В УСЛОВИЯХ РОСТА ДОХОДОВ

девальвации таких принципов демократии, как конкуренция, и росте спроса на «альтернативные» модели демократии, 2) инсталляция механизмов блокирования межэлитных конфликтов на основе принудительного формирования иерархической «распределительной» коалиции («навязанный консенсус» по поводу правил перераспределения ренты). В нашем представлении два этих фактора тесно связаны между собой; более того, могут быть поняты как два уровня, на которых разворачивается «консолидация» и взаимодействие которых обеспечивает ее успех. Изменения в общественных настроениях снижают эффективность политизации межэлитных конфликтов и возможности прямой апелляции элит к электорату, а блокирование практики перенесения межэлитных конфликтов в публичную сферу, в свою очередь, позволяет изолировать население от реальной «повестки» политических и экономических процессов. При ближайшем рассмотрении — это два процесса, направленные с разных сторон к одной цели и обеспечивающие ее достижение. Акцентирование фактора массовой поддержки и анализ ее природы отличает нашу модель от предложенных ранее описаний «навязанного консенсуса» (см. примечание 16) и помогает понять механизм перехода от «соревновательной олигархии» к «инклюдивной гегемонии».

Важно иметь также в виду, что разочарование в механизмах и процедурах демократии во второй половине 1990-х было характерно

относительно не только для «склонного к патернализму» (по мнению многих исследователей) «большинства», видевшего в демократических процедурах скорее узурпацию власти, чем продвижение к целям «общего блага», но и реформаторского «меньшинства», видевшего в этих процедурах угрозу целям реформ. При этом «меньшинство» не рассматривало «редукцию» демократии как стратегическое отступление, идейный отказ от демократии; точно так же, впрочем, как в основной своей массе и большинство, «откладывавшее» демократию на потом. Этот редукционистский консенсус, девальвация представлений о ценности и эффективности процедур демократии, прежде всего — принципа конкурентности, публичной состязательности, и стал, в нашем представлении, идейной платформой, обеспечившей легитимность и даже широкую поддержку тем новым правилам и практикам политического процесса, которые были инсталлированы Владимиром Путиным. Именно эта идейная платформа позволила ему начать наступление на сложившуюся к концу 1990-х годов «демократию элит» (соревновательную олигархию), присвоить право арбитража межэлитных конфликтов, блокировав способы их политизации, которые в прежнюю эпоху генерировали конкурентную политическую борьбу.

Однако является ли этот «редукционистский консенсус» финальной точкой, «концом истории», как нам пытается представить дело детерминизм? Пропутинский консенсус общественного мнения формируется на

Таблица 6

«ЧТО СЕЙЧАС ВАЖНЕЕ ДЛЯ РОССИИ: ПОРЯДОК В ГОСУДАРСТВЕ ИЛИ СОБЛЮЖДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?» (В % ОТ ЧИСЛА ОТВЕТИВШИХ)			
	апр. 1997	апр. 2007	апр. 2008
Порядок в государстве	60	54	51
Соблюдение прав человека	27	36	39
Затруднились ответить	13	10	10

Источник: Опросы Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ); N=1600 // Общественное мнение — 2008. С. 102

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ К МНОГОПАРТИЙНОСТИ (В % ОТ ЧИСЛА ОТВЕТИВШИХ)							
	1994	1997	2001	2004	2006	2007	2008
Сторонники	39	40	45	50	47	53	53
Противники	41	48	43	40	39	36	38
Затруднились ответить	20	12	13	9	14	13	10

Источник: Данные опросов Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ).

фоне политического опыта предшествующей эпохи; однако, как мы видели (см. табл. 1), по мере того, как тема «хаоса, анархии» становится все менее значимой в характеристиках текущей политической ситуации, динамика позитивных оценок «нового режима» становится все более вялой. «Стабильность» и «порядок», выглядевшие в начале 2000-х годов спасительным якорем на фоне изнурительного динамизма 1990-х, начинают терять свою безусловную ценность к концу десятилетия, а в условиях стагнации или падения доходов могут вновь приобрести негативные коннотации, которые были характерны для них в конце 1980-х. Некоторые признаки подобного движения уже можно различить. Так, например, при ответе на вопрос, «что важнее — порядок в государстве или права человека?», партия «порядка» в 2008 году все еще сохраняет преимущество, но уже вовсе не столь сокрушительное, как в конце 1990-х; разрыв между сторонниками первого и второго приоритета сократился за десятилетие в три раза (см. табл. 6).

Притом что сегодня в окружении Путина основная ставка, по всей видимости, делается на институализацию политической монополии в рамках монопартийного проекта («Единая Россия»), можно заметить, что в общественном мнении, наоборот, ценность централизации и безальтернативности быстро снижается. В традиционном опросе Левада-Центра об отношении к многопартийности даются пять вариантов ответа: 1) нужна одна

главная партия, 2) нужны две-три большие партии, 3) нужны 5–6 небольших партий, 4) не нужны никакие партии, 5) затрудняюсь ответить. Объединив выбравших первый и четвертый варианты как противников многопартийности и выбравших второй и третий как ее сторонников, мы увидим вполне ясную динамику в соотношении двух групп. Если в 1994 году сторонники и противники многопартийности составляют равные группы (около 40 проц. в каждой), а в 1997-м противники многопартийности имеют определенное преимущество, то на протяжении 2000-х число сторонников многопартийности последовательно растет и в 2008 году превышает число противников в полтора раза (см. табл. 7).

Не менее выразительная динамика, демонстрирующая тот же тренд, видна в ответах на вопрос о необходимости влиятельных оппозиционных партий; заметим, что парадоксальным образом число респондентов, выражающих убеждение в необходимости сильной оппозиции, заметно превышает число сторонников многопартийности (по всей видимости, здесь отражается негативный привкус слова «партия») и — что еще забавнее — сторонников демократии как таковой (см. табл. 8).

Разумеется, можно привести данные ответов на другие вопросы, свидетельствующие о недемократических настроениях большинства россиян. По всей видимости, однако, это большинство не принадлежит и не принадлежало ранее к партии убежденных

Таблица 8

«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНЫ ИЛИ НЕ НУЖНЫ В РОССИИ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ, ПАРТИИ, КОТОРЫЕ БЫ НАХОДИЛИСЬ В ОППОЗИЦИИ ПРЕЗИДЕНТУ И МОГЛИ ОКАЗЫВАТЬ СЕРЬЕЗНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ СТРАНЫ? (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)»						
	2001	2002	2004	2005	2007	2009
Нужны	59	56	66	61	66	71
Не нужны	23	24	21	25	20	16
Затруднились ответить	18	20	13	14	14	13

Источник: Опросы Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ) // Политическая оппозиция в общественном мнении. Левада-Центр. Пресс-выпуск. 2009. 23 окт. (<http://www.levada.ru/press/2009102306.html>). Данные 2001 года см. на сайте проекта СОФИСТ¹⁸.

сторонников или противников демократии; скорее всего, в сундуке общественных представлений хранятся как концепты и клише, акцентирующие ценность плюралистической, децентрализованной и конкурентной системы, так и противоположные — акцентирующие ценность единства, централизации и консолидации в интересах достижения целей «общего блага». А в динамике общественных настроений можно увидеть признаки маятникообразного движения — от актуализации и роста значимости одних комплексов представлений к постепенному их угасанию и актуализации и росту значимости противоположных. Представляется практически неизбежным, что актуальность предпочтений в пользу централизации, консолидации и стабильности будет в ближайшем будущем (и уже начала) снижаться в рамках естественной реакции на их переоцененность в предшествующем цикле, а ухудшение экономической динамики, вне всякого сомнения, придаст дополнительный импульс этому процессу.

В еще большей степени ухудшение экономической динамики будет способствовать дисфункции модели «навязанного консенсуса». Как мы пытались показать, необходимы условиями ее работоспособности являются постоянное увеличение объема перераспределяемой ренты и наличие широкой базы массовой поддержки режима. Первое условие сглаживает остроту межэлитных конфликтов: они не выглядят как игра с фиксированной

суммой, победитель и проигравший остаются в плюсе, хотя и с разным размером «куша». Смена тренда в экономической динамике будет означать неизбежное обострение конкуренции за долю ренты, а значит, и снижение лояльности к «навязанному» арбитражу доминирующего игрока. Межэлитные конфликты почти неизбежно будут выходить из-под контроля. Фактически элиты — в рамках выстроенных иерархических структур и механизмов — вынуждены будут перейти от системы перераспределения прибыли к перераспределению убытков, что предполагает совсем другие правила игры. В то же время размывание базы массовой поддержки «беневоленного диктатора» (рост недовольства, усталости и протестных настроений), с одной стороны, возвращает эффективность практике политизации межэлитных конфликтов, а с другой — ограничивает возможности доминирующего актора по эскалации насилия в целях обеспечения лояльности. Это насилие в глазах населения и элит стремительно теряет свою легитимность, ибо выглядит уже не точечной санацией системы перераспределения прибыли, но попыткой силового перераспределения убытков.

Все это, разумеется, не означает, что Россию в ближайшие годы неизбежно ждет возвращение на «прямую дорожку» и неминуемый переход к настоящей, консолидированной демократии. Это означает лишь, что факторы поддержки неконкурентного

политического режима будут достаточно быстро ослабевать, а спрос на децентрализованные, плюралистические модели расти как со стороны элит, так и со стороны населения. Принципиально важно, удастся ли российским элитам на волне этого спроса установить в политическую систему механизмы, надежно блокирующие возможность сверхцентрализации полномочий. Наиболее очевидным, технически и идеологически подготовленным шагом на этом пути является возврат к федералистской модели, причем не только в части прямых выборов губернаторов, но и в возвращении дееспособности и конституционных функций верхней палате Федерального собрания, бездействующей с 2002 года. Именно федерализм, на наш взгляд, в период становления общенациональной партийной системы способен выступить в роли «страховки от диктатуры», гарантируя «неснижаемый минимум» горизонтальной автономии. Проблема представительства региональных интересов на федеральном уровне и сегодня является ахиллесовой пятой существующего авторитарного режима; эта тема — естественная точка консолидации и пересечения интересов региональных элит и новых настроений населения на фоне ухудшения экономической динамики.

Однако, как мы видели на примере предшествующего цикла, такая «страховка» может не сработать, если не будет обеспечена сменяемость власти как на региональном, так и на федеральном уровне. В этом случае «несменяемые» региональные элиты теряют поддержку населения, разочарованного в итогах своего участия в «большой

игре», а «несменяемая» федеральная власть получает рычаги для изменения «правил» и общественную поддержку этих изменений. Поэтому проблема «ограничения полномочий» оказывается принципиальной не только в отношении федеральной власти, но и региональной. Принцип «победитель получает все» делает невозможной и неприемлемой смену власти в качестве исхода публичной конкуренции, в результате эта конкуренция ведет не к установлению нового равновесия, но лишь к эскалации нестабильности, и постепенно теряет ценность в глазах общества.

Итак, у нас не вызывает сомнения, что устойчивость созданного на протяжении 2000-х годов неконкурентного режима в ближайшее время будет значительно ослабевать, а спрос на альтернативные модели политического устройства — возрастать. Параллельно будет снижаться лояльность элит, создавая предпосылки перехода к новому периоду политической конкуренции. Однако, как было показано в сравнительных исследованиях, в отличие от военных хунт и однопартийных режимов, персоналистские режимы, ядром которых становится складывающаяся вокруг популярного лидера «клика», в наименьшей степени приспособлены к мирной трансформации или переговорному способу передачи власти и в то же время в наибольшей степени чувствительны к влиянию экономических факторов¹⁹. Это фундаментальное противоречие и будет, по-видимому, главным вызовом политической повестки дня для России в ближайшем будущем. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Аналогичный опрос в январе 2008 года дал результаты, значительно отличающиеся от предыдущих: вариант ответа «развитие демократии» выбрали 54 проц. опрошенных, а число сомневающихся сократилось до 13 процентов. Притом что в опросе, проведенном в октябре 2007 года, соответствующие варианты выбирали соответственно 36 проц. и 28 проц. респондентов. Октябрьские ответы 2007 года вполне корреспондируют с ответами октября 2006 и 2005 годов, демонстрируя плавную динамику, опрос же января 2008 года проводился сразу после парламентских выборов и накануне президентских, и резкие изменения в соотношении групп (промежуток между опросами — три месяца!) мы склонны приписывать ситуативным изменениям информационной картины, связанным с этими обстоятельствами. Опрос 2009 года проводился в январе — наиболее тяжелом месяце с точки зрения восприятия экономических сотрясаний конца 2008 года (см. график 1); этим объясняется резкий скачок числа тех, кто вновь описывает ситуацию как «хаос»; нам важно подчеркнуть, что число демократических оптимистов не растет с середины 2000-х.

² Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2008. С. 91.

³ Там же. С. 23.

⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

⁵ Колтон Т., Макфол М. Верно ли, что русские не демократы? // Вестник общественного мнения. 2001. № 4. С. 13–26; Поуз Р., Манро Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 30–42; Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман, А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. М.: Изд-во Р. Елинина, 2007; Сафронов В. Отношение к демократии в России: конец эпохи Ельцина. // Телескоп. Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3; Hale H. E. The Myth of Mass Authoritarianism in Russia: Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // Working Papers. 2009. Sept. 8. The National Council for Eurasian and East European Research, 2009 (http://www.ucis.pitt.edu/nceer/2009_823-03_Hale.pdf).

⁶ См. дискуссию «The End of the Transition Paradigm» в *Journal of Democracy* за 2002 год, в особенности: Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. Jan. 2002; Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. Vol. 13. Apr. 2002; Levitsky S., Way L. A. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. Vol. 13. Apr. 2002; идеи последней статьи, особенно важной в российском контексте, см. также в работе: Levitsky S., Way L. A. Autocracy by Democratic Rules: The Dynamics of Competitive Authoritarianism in the Post Cold War Era. Paper prepared for Conference “Mapping the Great Zone: Clientelism and the Boundary between Democratic and Democratizing”, Columbia University, Apr. 4–5, 2003 (http://www.people.fas.harvard.edu/~levitsky/researchpapers/SL_autocracy.pdf).

⁷ См.: Vanhanen's index of democracy (<http://www.prio.no/CSCW/Datasets/Governance/Vanhanen-index-of-democracy>); методологические пояснения и приведенное выше мнение относительно 30-процентного уровня см.: http://www.prio.no/sptrans/-1460568725/file42501_introduction.pdf. См. также: Vanhanen T. Prospects of Democracy: A study of 172 countries. L.; N. Y.: Routledge. 1997; и в частности, Р. 41. Опыты применения критериев Ванханена при оценке региональных политических режимов в России см. например: Реутов Е.В. Региональное Законодательное собрание: особенности формирования и функционирования // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 79–85.

⁸ Выборы 1996 года часто подвергаются острой критике и даже рассматриваются как поворотный момент в утверждении практик «управляемой демократии». Это парадокс: выборы 1996 года с точки зрения развитости и функциональности институтов конкурентной демократии, несомненно, стояли на самой высокой точке постсоветского политического развития российского общества, если мы сравниваем их с выборами 1991, 2000, 2004 и 2008 годов. Проблема, видимо, заключается в упомянутой уже популярности телеологического подхода, подталкивающего к поиску той главной «точки», от которой все пошло «не так». Тот факт, что перехода власти не было в 1996 году, представляется весьма важным (об этом пойдет речь ниже), однако значение, которое он приобретает в наших глазах сегодня, в значительной мере обусловлено рядом

других, последующих фактов (отсутствие перехода в 2000-м, поддержка путинской дедемократизации со стороны общества и пр.). Точно также, если бы этот переход состоялся в 1996 году, это вовсе не значило бы само по себе «поворота» истории в благоприятном направлении; случаи единственного перехода с неблагоприятным результатом хорошо известны постсоветской истории — Беларусь.

⁹ Характерной особенностью выборов с «доминирующей партией» является отсутствие оппозиционной партии: «доминирующая партия» ведет борьбу не с конкретным соперником, а со всеми прочими партиями за абсолютное доминирование.

¹⁰ В рамках данного рассуждения совершенно не важно, каким образом получен тот или иной результат голосования, насколько он является продуктом административных манипуляций и прямой фальсификации; возможность таких манипуляций и неспособность оппозиции контролировать подсчет голосов сами по себе свидетельствуют о деградации демократической инфраструктуры и о снижении уровня конкурентности в политической жизни. Таким образом, и в этом случае тест на конкурентность итогов голосования вполне выполняет свою роль «градусника» политической температуры.

¹¹ Гельман В. Политические режимы переходного периода: Российские регионы в сравнительной перспективе // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Сб. докладов. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. С. 46–65.

¹² Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven; London, 1972. P. 5–9. Роберт Даль, как известно, строит типологию политических режимов, используя два измерения: уровень участия населения в политическом процессе и уровень публичной дискуссии; соответственно определяются четыре типа режима — гегемония (низкий уровень участия и низкий уровень публичной дискуссии), инклюзивная гегемония (высокий уровень участия и низкий уровень дискуссии), соревновательная олигархия (низкий уровень участия и высокий уровень дискуссии) и собственно полиархия (высокий уровень участия

и высокий уровень дискуссии). Используя здесь и далее термины Даля, под «участием» мы будем понимать не формальное участие населения в голосовании, но скорее его возможности влиять на «повестку» и контролировать соответствие политических результатов выборов итогам голосования.

¹³ См. об этом: *Рогов К.* Неприемлемый преемник // Pro et Contra. 2007. № 4–5 (38). Июль — окт. С. 6–18.

¹⁴ Ср. обсуждение этой темы: *Голосов Г.* Электоральный авторитаризм в России // Pro et contra. 2008. №1 (40). Январь–февраль. С. 22–35.

¹⁵ Gibson E. L. Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries // World Politics. Vol. 58. No 1. P. 101–132. Обзор проблемы и литературу вопроса, а также опыт анализа этого феномена на российском материале см.: *Гельман В.Я.* Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 50–63.

¹⁶ О понятии «навязанный консенсус» в применении к политическим процессам в России 2000-х годов см.: *Gelman V.* Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // Demokratizatsiya. Summer 2002; также: *Гельман В.* Политическая оппозиция в России — вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4; наши рассуждения находятся в целом в рамках предложенного здесь подхода и представляют собой попытку уточнить механизмы «навязанного консенсуса» в конкретных экономических реалиях России 2000-х годов и в отношении к основным элитным группам общенационального уровня, определяющим в значительной мере композицию политического процесса.

¹⁷ Представим себе совокупность игроков как множество, разбитое на три подмножества: первое — это те, кто остался при своей доле рынка, вторые — те, кто ее увеличил, а третьи — те, у кого она уменьшилась. Количество вторых и третьих совпадает: эти две группы сыграли в игру «с нулевой суммой». На расширяющемся рынке первые увеличат размер своего дохода и будут ассоции-

ровать себя скорее с победителями, формируя в сумме с ними лояльное большинство, а на сокращающемся — наоборот, уменьшат и будут ассоциировать себя скорее с проигравшими.

¹⁸ http://sofist.socpol.ru/xml_view.shtml?en=0&HQ=10684&SQ=1682&HSQ=30&IsSI=%E2%20%E2%EF%EF%E7%E8%E8

¹⁹ См., например: *Geddes B. Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument*. Paper prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, Sept. 1999 (http://ipa21.cu.ac.kr/supervisor/UploadFiles/guest/AuthoritarianBreakdown_Geddes.PDF).